

Описание сцены

Однажды весенним утром мы с другом прогуливались вдоль реки Чарлес и встретили художницу, рисовавшую пробуждение природы. Несколькими движениями она быстро набросала на своем полотне открывающийся вид. «Очень красиво»,— сказал я. «А, по-моему, не очень,— прошептал мой друг, не соглашаясь со мной.— Ее картина не точно отражает пейзаж... Я бы постарался сделать точно».

В западной сегодняшней культуре мы настолько ударились в точное научное знание, что часто не замечаем художественной ценности изображений реальности. Вместо картины мы хотим фотографию, а еще лучше — видеозапись. Все это настолько глубоко укоренилось в нас, что художественный портрет привлекает нас очень мало.

Тем не менее, нам придется научиться ценить художественные произведения, если мы желаем изучать ветхозаветные истории. Рассказы Ветхого Завета — это не фотографии, и не видеоматериалы разведчика; они не дают разборчивого, подробного отчета о событиях. Ветхозаветные истории представляют собой творчески написанные картины истории Израиля.

В предыдущей главе мы увидели, как библейские авторы изображали действующих лиц. В этой главе мы рассмотрим, как они описывали сцены. Под сценой мы подразумеваем тесную совокупность обстоятельств, действий и личностей, являющихся основными элементами ветхозаветных историй. Мы изучим три основных вопроса: разделение сцен, пространство и время в сценах и образность в сценах. Как мы можем отличать одну сцену от другой? Как анализировать пространственно-временные отношения? Как ветхозаветные авторы использовали образность в сценах?

Разделение сцен

«Разделяй и властвуй» — это эффективная стратегия. Если задача слишком велика, чтобы выполнить ее сразу, мы можем завершить ее шаг за шагом. Эта стратегия также применима к толкованию историй Ветхого Завета. Большинство текстов слишком сложны для нас, чтобы понять все сразу. Поэтому мы будем разделять их на небольшие части и проходить одну сцену за другой. Для этого мы рассмотрим препятствия в разделении сцен, подсказки к разделению и некоторые примеры.

Препятствия в разделении сцен

Разделяя истории Ветхого Завета на их простейшие части — сцены, мы сталкиваемся с двумя основными препятствиями. Один барьер — наш, другой скрывается в самих текстах.

Первая проблема заключается в нашей определенной герменевтической направленности. Иначе говоря, мы редко думаем о сценах как о простейших частях библейских историй. Церковное учение обычно обращает наше внимание на более мелкие части. Мы рассматриваем сюжеты в свете слов, фраз, предложений или, в лучшем случае, на уровне стихов. Эти элементы бесспорно важны, но они часто препятствуют нам видеть ценность больших частей ветхозаветных историй.

Для преодоления этого препятствия мы посмотрим на истории Ветхого Завета так, как мы смотрим на обычные художественные рассказы. Например, когда мы читаем о Робинзоне Крузо, особое слово или поворот фразы редко привлекает наше внимание. В основном, мы «шагаем» по рассказу от одной сцены к следующей и так далее. Мы вспоминаем, как Крузо заметил следы человека на песке, как он делал засечки на пальме и множество других сцен.

Хотя нам иногда приходится сосредотачиваться на мельчайших частицах ветхозаветных историй, наше понимание этих текстов зависит от способности мыслить сценично. Для этого нам нужно порвать с привычной микро ориентацией.

Вторая проблема с разделением ветхозаветных историй на сцены находится в самих текстах. В отличие от других форм художественного повествования, ветхозаветные тексты не отмечают четко, где сцены начинаются, и где заканчиваются. В комиксах каждая сцена изображена в своем квадрате, где четко видны обстоятельства, действия и персонажи. В спектаклях сцены разделяются перестановкой декораций, опусканием и поднятием занавеса. Но в историях Ветхого Завета переход от одной сцены к другой часто незаметен. Границы сцен редко бывают четкими.

Поэтому читатели могут спорить о том, как именно следует разделять текст. Одни склонны объединять большие отрывки в одну сцену, другие замечают сцены поменьше. Одни утверждают, что сцены нужно разделить именно здесь, другие проводят эту границу несколькими стихами раньше или позже. Поэтому при разделении сцен нам нужно быть очень гибкими.

Подсказки к разделению

Несмотря на препятствия, ветхозаветные истории предлагают много подсказок к установлению границ между сценами. Ознакомившись с ними, нам будет значительно легче видеть переходы сцен. В частности, такие переходы можно заметить, благодаря изменению во времени, обстановке и стиле повествования.

Время. Ощутимые разрывы во времени обычно отражают границы сцен. Ветхозаветные истории далеко не всегда излагают события в тесном и точном хронологическом порядке. Цепь событий часто обрывается последовательными, одновременными и предшествующими эпизодами.

Во-первых, промежутки времени встречаются между последовательными событиями. Одна часть действий отделяется от другой, потому что между ними прошло относительно много времени.

Иногда ветхозаветные авторы отмечали такие промежутки четко. Ссылки на «следующий день», «утро», «вечер», «месяц», «год» и так далее, обычно отмечают начало новой сцены.

Во-вторых, ветхозаветные авторы прерывали сцены переходами к одновременным событиям. В фильмах это обычно показывается разделением экрана на две части или быстрыми переключениями с одной сцены на другую и обратно. В театре два события могут происходить на сцене одновременно. Однако в повествовании даже одновременно происходящие события должны следовать одно за другим. Таким образом, истории охватывают один и тот же промежуток времени, хотя текст на странице продвигается дальше.

Переходы к одновременным событиям часто видны в ветхозаветных историях, благодаря структуре языка. Например, после описания молитвы и обета Анны (1Цар.1:10–11), автор сообщает, что Илий наблюдал за ней: «Между тем как она долго молилась пред Господом, Илий смотрел на уста ее» (1Цар.1:12). Также, когда фараон взял Сару к себе во дворец, он обращался хорошо с Аврамом ради нее (Быт.12:16а). Авраму было хорошо, пока Сара находилась в царском гареме. В таких местах переход между одновременными событиями показывает грамматика.

Однако во многих случаях грамматика не отражает одновременности происходящих событий. Ее можно заметить только после анализа содержания. Например, после того, как Иона проповедовал в Ниневии, весь город уверовал и присоединился к посту (Иона 3:5). Непохоже, чтобы следующая сцена, в которой царь провозгласил пост (Иона 3:6–7), действительно произошла после всеобщего городского покаяния. Явно произошла накладка. В таких случаях мы просто заимствуем слова «в то время как» из нашей оценки содержания и мысленно вставляем их в текст, чтобы показать одновременность происходящего.

В-третьих, временные переходы встречаются, когда автор обращается к предыдущим событиям. Иногда об этом также свидетельствует грамматика. Но в большинстве случаев нам приходится полагаться на содержание, чтобы понять, что мы имеем дело с событиями, которые, в сущности, предшествовали описанной до них сцене.

Предшествующие сцены — это обычно небольшие сводки информации о прошлом. После того, как автор Паралипоменона говорит, что Сусахим пошел на Иерусалим (2Пар.12:2), он упоминает о предыдущих походах Сусахима через Иудею (2Пар.12:3–4). Подобные переходы, обычно, отображают начало новой сцены.

Итак, промежутки времени между сценами бывают трех видов: промежутки между последовательными событиями, переходы между одновременными действиями и возвращения к предыдущим событиям. При установлении таких временных переходов, нам будет легче определять границы многих сцен в историях Ветхого Завета.

Обстановка. Границы сцен нам также помогают установить перемены обстановки. Мы поговорим о трех наиболее важных из таких перемен: место, окружающая обстановка и действующие лица.

Прежде всего, сцены обозначаются переменной места. Например, история о Содоме и Гоморре переходит от городских ворот (Быт.19:1–2) в дом Лота (Быт.19:3). Когда Аврам и Сара шли в Египет, Быт.12:11 изображает их на границе, а Быт.12:14 переносит их уже в Египет. После того, как Бог сошел посмотреть на Вавилонскую башню (Быт.11:5), Он вернулся на небо и призвал небесное воинство действовать (Быт.11:6–7).

Здесь следует заметить, что иногда сцены могут происходить в одном месте, но относиться к другому событию. Обычно это происходит в прямой речи, когда действующие лица говорят о событиях, происходящих в другом месте. Например, когда Бог дал повеление Моисею в горящем кусте, Он говорил о событиях в Египте, хотя сама сцена происходила в пустыне (Исх.3:7-10). Когда Мелхола укоряла Давида за его поведение перед ковчегом, она имела в виду сцену, которую наблюдала из своего окна (2Цар.6:20–23).

Во-вторых, значительные перемены в окружающей обстановке также отделяют одну сцену от другой. Очень часто несколько сцен, и даже целая история, может произойти в одном месте. В таких случаях мы должны следить за изменениями окружающей среды.

Такими изменениями могут быть свет и тьма, холод и жара, засуха и дождь. Писатель может просто приводить новые факты о географии, животном мире, растениях и зданиях. Перемена обстановки также включает изменение времени и пространства. Одна сцена может описываться всего в нескольких стихах, другая — в нескольких главах. Ветхозаветные авторы часто отображали границы между сценами, описывая изменения окружающей среды.

В-третьих, библейские писатели разделяли сцены, изменяя состав действующих лиц. Это очень похоже на смену декораций, только здесь еще фигурируют герои: люди, сверхъестественные существа и Бог. Первая сцена рассказа может быть заполнена людьми, вторая — практически без них. Иногда сцене с одним или двумя героями предшествует сцена с большим количеством участников. Иногда количество действующих лиц остается одинаковым, но меняются их качества. Перемены места, окружающей обстановки и действующих лиц служат нам подсказками к разделению сцен ветхозаветных историй.

Стиль повествования. Сцены также разделяются по мере того, как меняется стиль повествования. Этот стиль определяется степенью присутствия автора. Автор может выйти на середину сцены или сойти с нее, предоставляя действующим лицам самим излагать историю через мысли, слова и поступки. Границы перемены стиля также служат важными подсказками к обозначению границ сцен. Разделяются такие четыре стиля повествования: авторские комментарии, описание, прямое повествование и драматическое изображение.

Во-первых, писатели непосредственно обращаются к читателям через авторские комментарии. Это сцены, в которых они оценивают или объясняют что-то в истории. Например, сообщив о радости Адама, увидевшего Еву, Моисей выступил вперед и прокомментировал: «Потому отставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут одна плоть» (Быт.2:24). Также и в конце борьбы Иакова в Пенуэле (Быт.32:22–32), Моисей объясняет: «Поэтому и донны сыны Израилевы не едят жилы, которая на составе бедра, потому что Боровшийся коснулся жилы на составе бедра Иакова». В обоих стихах сам рассказ останавливается, а Моисей вставляет свой собственный комментарий. Обычно такие авторские комментарии формируют отдельные сцены.

Во-вторых, ветхозаветные авторы часто излагают материал в описательном стиле. Они время от времени останавливают развитие событий, чтобы внести некоторую информацию, разъясняющую определенный эпизод рассказа. Например, история о путешествии Аврама (Быт.12:1–9) содержит две описательные сцены. Сообщив, что Аврам отправился в путь, Моисей добавил: «Аврам был семидесяти пяти лет, когда вышел из Харрана» (Быт.12:4б). После того, как Аврам вошел в землю Ханаанскую, Моисей вставил для читателей свой комментарий: «В этой земле тогда жили Хананеи» (Быт.12:6б). Моисей считал нужным добавить такие описательные детали.

В-третьих, границы сцен видны при прямом повествовании. Этот стиль позволяет автору непосредственно передавать происходящие события. Несомненно, автор обдумывает события, прежде чем изложить их на бумаге, но здесь он избегает собственных описаний и комментариев. Например, мы читаем, как после смерти Иакова «Иосиф повелел слугам своим — врачам, бальзамировать отца его; и врачи набальзамировали Израиля» (Быт.50:2). В этом стихе Моисей не позволил говорить самому Иосифу. Он просто сообщил, что такое событие происходило, мы называем это прямым повествованием.

И, наконец, в драматическом стиле автор отступает далеко на задний план. Он уже не сообщает о событиях, а предоставляет действующим лицам взаимодействовать, говорить и думать самим по себе. Этот стиль чаще всего встречается в ветхозаветных историях при прямой речи. Хотя Моисей просто сообщил об инструкциях Иосифа врачам (Быт.50:2), несколькими стихами позже он позволяет самому Иосифу говорить:

Если я обрел благоволение в очах ваших, то скажите фараону так: отец мой заклил меня, сказав: «Вот, я умираю; во гробе моем, который я выкопал себе в земле Ханаанской, там похорони меня». И теперь хотел бы я пойти, и похоронить отца моего, и возвратиться (Быт.50:4б–5).

Если не считать краткого вступления, Моисей отсутствует в этом отрывке. Он передал слова Иосифа через драматическое повествование.

В истории о Вавилонской башне (Быт.11:1–9) мы встречаем все четыре стиля повествования. Посмотрите на следующие примеры:

[Комментарий] Посему дано ему имя: Вавилон; ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле (Быт.11:9).

[Описательный] И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести (Быт.11:3б).

[Прямой] Двинувшись с Востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там (Быт.11:2).

[Драматический] И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем (Быт.11:3а).

Как показывают эти примеры, присутствие Моисея было неизбежным в его комментарии (Быт.11:9); он менее заметен в его описании (Быт.11:3б); еще дальше он отступил в прямом повествовании (Быт.11:2); и он практически исчез, когда фигуры разговаривают друг с другом в драматическом изображении (Быт.11:3а).

Эти стили не всегда совершенно четко различимы, так как во многом накладываются друг на друга и часто смешиваются. Тем не менее, перемены в стиле повествования устанавливают границы между сценами ветхозаветных историй.

Рисунок 16 показывает три основных способа разделения сцен: перемены во времени через последовательные, одновременные и предшествующие действия; перемены в обстановке, месте и действующих лицах; а также перемены в стиле повествования через комментарии, описания, прямое и драматическое повествование. Благодаря всему этому мы можем разделять ветхозаветные истории на их простейшие части.

Примеры

Чтобы проиллюстрировать процесс разделения сцен, посмотрим на два отрывка: Бытие 15:7–21 и 2Паралипоменон 11:1–12, где на примерах показано несколько путей к такому разделению.

Бытие 15:7–21. Сначала давайте посмотрим на историю о Божьем завете с Авраамом.

Сцена 1

И сказал ему: «Я Господь, Который вывел тебя из Ура Халдейского, чтобы дать тебе землю сию во владение». Он сказал: «Владыка Господи! По чему мне узнать, что я буду владеть ею?» Господь сказал ему: «Возьми Мне трилетнюю телицу, трилетнюю козу, трилетнего овна, горлицу и молодого голубя» (ст. 7–9).

Сцена 2

Он взял всех их, рассек их пополам, и положил одну часть против другой; только птиц не рассек (ст. 10).

Сцена 3

И налетели на трупы хищные птицы; но Аврам отгонял их (ст. 11).

Сцена 4

При заходе солнца крепкий сон напал на Аврама; и вот, напал на него ужас и мрак великий. И сказал Господь Авраму: «Знай, что потомки твои будут пришельцами в земле не своей, и поработят их, и будут угнетать их четыреста лет. Но Я произведу суд над народом, у которого они будут в порабощении; после сего они выйдут с большим имуществом. А ты отойдешь к отцам твоим в мире, и будешь погребен в старости доброй. В четвертом роде возвратятся они сюда, ибо мера беззаконий Аморецев доселе еще не наполнилась» (ст. 12–16).

Сцена 5

Когда зашло солнце, и наступила тьма, вот, дым как бы из печи и пламя огня прошли между рассеченными животными (ст. 17).

Сцена 6

В этот день заключил Господь завет с Аврамом, сказав: «Потомству твоему даю Я землю сию, от реки Египетской до великой реки, реки Евфрата: Кенеев, Кенезеев, Кедмонеев, Хеттеев, Ферезеев, Рефаимов, Аморецев, Хананеев, Гергесеев и Иевусеев» (ст. 18–21).

Значительные перемены во времени отображают несколько разрывов между сценами. В 12-ом стихе говорится: «При заходе солнца». Этот временной знак довольно четко показывает начало новой сцены. Слова «когда зашло солнце» отделяют стих 17 от того, что происходило раньше. Временная ссылка в стихе 18 «В этот день» подсказывает, что последние стихи являются новой сценой, которая происходит одновременно.

В этой истории также имеется не менее выразительный временной промежуток. Мы разделили сцены перед 10-м стихом. Хотя текст ничего не говорит о том, как Аврам выбирал животных, исследовал их и подготавливал к церемонии, прежде чем привести их к Богу, мы знаем, что между событиями стихов 9 и 10 прошло относительно много времени.

Эти перемены во времени также подтверждаются переменами в обстановке. В самом рассказе нет очевидной перемены места; вся история происходит в одной географической точке. Однако видны перемены окружающей среды. Во второй сцене (ст. 10) Аврам окружен кровью и трупами животных. В третьей сцене (ст. 11) налетают хищные птицы. Загадочный заход солнца и внутренний мрак, охвативший разум Аврама формируют обстановку четвертой сцены (ст. 12–16). Внешняя тьма, освещаемая пламенем огня и дымом, представляет следующую сцену (ст. 17). И, наконец, упоминание обо всех землях, обещанных Авраму, характеризует последнюю сцену (ст. 18–21).

Кроме того, перемены действующих лиц совпадают с таким делением. В первой сцене Бог и Аврам являются активными участниками (ст. 10). Во второй и третьей сценах Аврам стоит в центре, а о Боге не сказано ничего (ст. 10–11). Четвертая сцена касается Бога, Аврама и его потомков (ст. 12–16). В пятой сцене изображен только Бог (ст. 17). В последней сцене на передний план снова выступают Аврам, Бог, и потомки Аврама (ст. 18–21).

И, наконец, перемены в стиле повествования помогают нам разделять историю на составные части. Первая сцена является драматическим диалогом между Богом и Аврамом (ст. 7–9). Следующие две сцены прямо повествуют о подготовке Аврама к церемонии получения завета (ст. 10–11). Четвертая сцена раскрывает драматический монолог сна Аврама (ст. 12–16). В пятой сцене содержится прямое изображение явления Бога (ст. 17). Последняя сцена является драматическим монологом Бога (ст. 18–21).

Такие наблюдения позволяют нам подвести следующие итоги анализа истории:

•Сцена 1 (Быт.15:7–9) [Драматический] [П5, В1]

Бог пообещал Авраму землю и ответил на его просьбу о гарантии, потребовав церемонию заключения завета.

•Сцена 2 (Быт.15:10) [Прямой] [П10, В10]
В результате, Аврам повиновался, подготовив церемонию.

•Сцена 3 (Быт.15:11) [Прямой] [П10, В8]
Аврам защищал святость церемонии, отгоняя птиц.

•Сцена 4 (Быт.15:12-16) [Драматический] [П1, В1]
При заходе солнца Аврам получил откровение во сне.

•Сцена 5 (Быт.15:17) [Прямой] [П10, В8]
Ночью Бог прошел между рассеченными животными.

•Сцена 6 (Быт.15:18–21) [Драматический] [П5, В1]
В этот день Бог установил завет о владении землей Аврама и его потомков.

2Паралипоменон 12:1–12. Следующая история о вторжении Сусакима в царство Ровоама делится на десять сцен.

Сцена 1

Когда царство Ровоама утвердилось, и он сделался силен, тогда он оставил закон Господень, и весь Израиль с ним (ст. 1).

Сцена 2

На пятом году царствования Ровоама, Сусахим, царь Египетский, пошел на Иерусалим,— потому что они отступили от Господа,— (ст. 2).

Сцена 3

С тысячью и двумястами колесниц и с шестьюдесятью тысячами всадников; и не было числа народу, который пришел с ним из Египта, Ливиянам, Сукхитам и Ефиоплянам; и взял укрепленные города в Иудее, и пришел к Иерусалиму (ст. 3–4).

Сцена 4

Тогда Самей пророк пришел к Ровоаму и князьям Иудеи, которые собрались в Иерусалим, спасаясь от Сусакима, и сказал им: Так говорит Господь: вы оставили Меня, за то и Я оставлю вас в руки Сусакиму (ст. 5).

Сцена 5

И смирились князья Израилевы и царь, и сказали: праведен Господь! (ст. 6).

Сцена 6

Когда увидел Господь, что они смирились, тогда было слово Господне к Самею, и сказано: они смирились; не истреблю их, и вскоре дам им избавление, и не прольется гнев Мой на Иерусалим рукою Сусакима; однако же, они будут слугами его, чтобы знали, каково служить Мне и служить царствам земным (ст. 7–8).

Сцена 7

И пришел Сусахим, царь Египетский, в Иерусалим, и взял сокровища дома Господня и сокровища дома царского; все взял он, взял и щиты золотые, которые сделал Соломон (ст. 9).

Сцена 8

И сделал царь Ровоам, вместо них, щиты медные, и отдал их на руки начальникам телохранителей, охранявших вход дома царского (ст. 10).

Сцена 9

Когда выходил царь в дом Господень, приходили телохранители и несли их, и потом опять относили их в палату телохранителей (ст. 11).

Сцена 10

И когда он смирился, тогда отвратился от него гнев Господа, и не погубил его до конца; притом и в Иудее было нечто доброе (ст. 12)

Временные перемены в этой истории сложны. Во второй сцене (ст. 2) четко обозначено время: «На пятом году царствования Ровоама». Эта сцена изображает поход Сусакима и его армии на Иерусалим. О самом походе больше не упоминается до седьмой сцены (ст. 9), где Сусаким приходит в Иерусалим. Вместо того чтобы разворачивать события дальше, третья сцена (ст. 3–4) возвращается к предыдущим захватам городов Иудеи. Стих 5 начинает четвертую сцену, которая происходит одновременно с военными действиями Сусакима. Пророк Самей осуждает князей Иудеи. Пятая сцена (ст. 6) сообщает об их покаянии. Сцена 6 (ст. 7–8) показывает, что Господь одновременно дал через пророка слово надежды. Седьмая сцена возвращается к захвату и разграблению Иерусалима Сусакимом. Восьмая сцена (ст. 10) представляет собой результат поражения, показывающий, что потеряно было не все. В сцене 9 (ст. 11) мы обращаем внимание на продолжительное посещение храма царем. Последняя сцена (ст. 12) подводит итог пережитого Ровоамом и Иудеей.

В рассказе два основных места действия. Первые две сцены происходят в Иерусалиме и вокруг него (ст. 1–2). Третья сцена переходит к обзору военных кампаний в Иудее (ст. 3–4). Четвертая и последующие сцены возвращают нас в Иерусалим — во дворец, в палату телохранителей, в храм (ст. 5–12).

Значительны также изменения в составе действующих лиц. В первой сцене упоминается Ровоам, Израиль и Господь (ст. 1). Вторая и третья сцены сосредотачиваются на Сусакиме и его неисчислимой армии (ст. 2–4). В четвертой сцене внимание смещается на Самея, князей и Господа (ст. 5). В пятой сцене (ст. 6) Самей исчезает, но сцена 6 возвращается к пророку, а также к Господу, царю и князьям (ст. 7–8).

И, наконец, в истории выделяются разные стили повествования. Сцена 1 — это прямое повествование; вторая сцена содержит небольшой авторский комментарий («Потому что они отступили от Господа»). Третья сцена носит описательный характер, сообщая о масштабах армии Сусакима. С четвертой по шестую сцены события изображаются драматически. Пророческое предупреждение (ст. 5) связано с недавними событиями. Божья реакция на покаяние приоткрывает то, что произойдет в будущем. В 7–9 сценах прямо описывается разграбление Сусакимом царства Ровоама.

Разделив историю на такие сцены, мы можем проанализировать ее ход.

- Сцена 1 (2Пар.12:1) [Прямой] [П10, В10]
Хотя Ровоам сделался силен, он и весь Израиль оставили закон Господень.
- Сцена 2 (2Пар.12:2) [Прямой] [П6, В6]
Непокорность Ровоама послужила причиной нападения Сусакима на Иерусалим.
- Сцена 3 (2Пар.12:3–4) [Описательный] [П9, В9]
Перед нападением на Иерусалим армия Сусакима уже захватила города Иудеи.
- Сцена 4 (2Пар.12:5) [Драматический] [П1, В1]
В это время Самей сделал предупреждение князьям Иудеи.
- Сцена 5 (2Пар.12:6) [Драматический] [П1, В1]
Результатом является покаяние Иудейских вождей и Ровоама.
- Сцена 6 (2Пар.12:7–8) [Драматический] [П1, В1]
В это время Самей провозглашает меру избавления.

- Сцена 7 (2Пар.12:9) [Прямой] [П8, В8]
В результате нападения Сукаким вынес многие сокровища из Иерусалима, включая золотые щиты Соломона.
- Сцена 8 (2Пар.12:10) [Прямой] [П4, В4]
Однако Ровоам не утратил всего; он заменил золотые щиты медными.
- Сцена 9 (2Пар.12:11) [Прямой] [П4, В4]
Кроме того, Ровоам теперь начал часто ходить в храм, а его щиты тщательно охранялись.
- Сцена 10 (2Пар.12:12) [Прямой] [П10, В10]
По мере смирения Ровоама, условия жизни становились лучше.

Два совета. Эти два примера показывают, что разделение и анализ сцен являются важными шагами в исследовании ветхозаветных историй. Когда мы анализируем содержание сцен, полезно помнить два совета.

Во-первых, выводы должны быть очень простыми и не искажающими материал. Сцены обычно содержат ряд подробностей, расщепление которых на составные элементы позволяет толкователю правильнее понимать материал. Когда эти элементы четко формулируются, они оказывают огромное содействие в определении составных частей истории.

Во-вторых, выводы необходимо формулировать так, чтобы в них была четко видна связь между одной сценой и последующей. Обычно достаточно простых связных слов: «потому что», «до того, как», «в это время», «тем не менее» и так далее. Устанавливая таким образом сцены, мы ощущаем взаимосвязь, формирующую цепь событий в историю.

Выявляя значительные изменения во времени, обстановке и стиле повествования, мы можем разделять историю на ее простейшие части. Затем, внимательно подводя итоги, мы можем лучше видеть связность историй Ветхого Завета.

Пространство и время в сценах

Несколько лет назад я записался на курсы по киномонтажу. На занятиях я получил задание написать рассказ и сделать к нему небольшой фильм. Я и мой друг долгими вечерами резали и склеивали восьмимиллиметровую пленку. До этого я совершенно ничего не знал о производстве фильмов. Мне казалось, что трехминутный ролик не потребует особых усилий, но очень скоро я понял, что ошибался. Среди множества технологических хитростей нам приходилось решать, какие сцены снимать вблизи, а какие издалека. Кроме того, в разных местах нужно было применять медленную, обычную или ускоренную скорости воспроизведения. От наших решений напрямую зависело качество окончательного продукта.

Пространственные изменения

Пространственная ориентация очень влияет на наше восприятие окружающей действительности. Ветхозаветные писатели влияли на мировоззрение читателей истории Израиля, выделяя какие-то события. Их пространственная стратегия решительно влияла на впечатление от историй. Изучая ветхозаветные истории, мы будем стараться оценить пространство каждой сцены.

Как фотографы, ветхозаветные писатели изображали панорамный и приближенный ракурсы событий. Но это только полдела. В отличие от фотографов, они изображали внутренний мир мыслей и чувств своих героев. Качества характера также имеют панорамное и приближенное описание. Мы кратко рассмотрим оба аспекта.

Ветхозаветные истории обычно дают панорамную картину внешних событий. Широкие обзоры освещают события, происходящие в нескольких местах сразу. Всего в одном стихе, например, изображен Аса, который уничтожил высоты и алтари во всех городах Иудеи (2Пар.14:5).

Одновременно ветхозаветные авторы более детально рассматривали некоторые события. Иногда такие подробные картины содержат более тесные взаимодействия между несколькими героями. Моисей сосредоточил взгляд на Аврааме и Исааке на горе Мориа (Быт.22:6–9). Иногда авторы

рассматривают только одну личность. Илия убежал, чтобы спасти свою жизнь и сел под можжевельным кустом (3Цар.19:36–5). В таких подробных сценах ветхозаветные авторы обычно больше внимания уделяют подробностям.

Библейские писатели также по-разному рассматривают внутренний мир героев. Например, Михей, сын Иемвляя, нарисовал панорамную картину своего небесного видения (3Цар.22:19–23). Саул приказал оруженосцу убить его. При этом автор приводит целую цепь его рассуждений, которые приводят к такому приговору (1Цар.31:4). Это пример приближенного взгляда.

Пространственная ориентация сцен, внутренняя или внешняя, необходима для толкования. Иногда переход с одного расстояния сцены к другому свидетельствует о том, что эта сцена является главной в рассказе. Поэтому для понимания мыслей автора мы должны учитывать пространственную ориентацию.

Временные изменения

Создатели фильмов ускоряют и замедляют время, таким образом, драматизируя эффект. Успех старых комедийных фильмов во многом был следствием ускоренного воспроизведения реальности. Сегодня режиссер картины использует замедленное воспроизведение, чтобы продлить романтический момент, усилить ужас от события или дать зрителям возможность внимательно рассмотреть основные моменты действия.

Подобным образом использовали время и ветхозаветные писатели. Они, конечно, не ускоряли и не замедляли изображение на экране, но рассматривали события по-разному: общим или подробным планом. Как меняется пространство внешнего и внутреннего мира, так меняется и время в описании внешних событий и внутренних переживаний.

Во-первых, может изменяться время во внешнем мире. Ветхозаветные истории, в основном, характеризуются быстрой сменой событий. Прямая речь приближает время к реальности, но сцены обычно повествуют о событиях гораздо быстрее, чем они происходили на самом деле.

Посмотрите на временные изменения в истории об убийстве Еглона (Суд.3:14–26). Время здесь движется быстро. Оно немного замедляется во время диалога между Аодом и Еглоном (ст. 19–20). Но в ключевой сцене, когда Аод убивает царя, действия замедляются и видна каждая деталь.

Аод простирает свою левую руку, берет меч со своего правого бедра и вонзает его во чрево царя так, что даже рукоять входит за острием, которое прошло сквозь спину. Аод не вынимает меч, и тук закрывает его (ст. 21–22).

Мы видим каждую долю секунды: рука тянется к мечу, меч вынут и вонзен в царя, за острием уходит рукоять, которую покрывает тук.

Жертвоприношение Исаака имеет схожие временные изменения. До того, как Исаак и Авраам прибывают на гору Мориа, история разворачивается довольно быстро. Но когда Авраам устроил жертвенник, мы читаем: «Разложил дрова, и, связав сына своего, Исаака, положил его на жертвенник, поверх дров. И простер Авраам руку свою, и взял нож, чтобы заколоть сына своего» (Быт.22:9–10). Время почти останавливается, удерживая напряжение события.

Во-вторых, меняется также время во внутреннем мире. Например, когда Саул крикнул своему оруженосцу: «Обнажи меч твой и заколи меня им, чтобы не пришли эти необрезанные и не надругались надо мною» (1Пар.10:4), быстрый ход его мыслей в такой ситуации отражает панику Саула. Внутренние сцены также могут быть медленными. Например, шпионы Иисуса Навина очень подробно инструктируют Раав (Иис.Нав.2:17–20). Автор книги Иисуса Навина подробно изложил этот материал, чтобы привлечь внимание к соглашению между Раав и соглашателями.

Ветхозаветные истории обычно очень быстро изображают внутренние и внешние события. Однако в некоторых местах время замедляется, что, чаще всего, свидетельствует об особой важности сцены в истории.

Примеры

Одним из удобных способов оценки пространства является оценка сцен по цифровой шкале. Сначала обозначим сцены с наиболее панорамным обзором как «Пространство10». Сцена, равная «П10» в одной истории может не иметь такого же масштаба, как «П10» в другой. Но относительно остальных сцен данного эпизода, «П10» представляет наиболее широкую шкалу. Далее обозначим

наиболее подробные сцены как «П1», относительно других сцен этого же рассказа. Установив крайние точки, мы теперь можем размещать другие сцены от «П2» до «П9». Такая техника помогает нам с первого взгляда распознавать объем пространства в сцене.

Таким же образом можно обозначить временное ускорение и замедление. Наиболее быстрые сцены определим как «Время10», а самые медленные как «В1». Другие сцены будут размещаться между ними. Такая процедура дает нам возможность быстро проследить временные изменения в рассказе.

Давайте проиллюстрируем эту технику на отрывках Быт.15:7–21 и 2Пар.12:1–12. Временные изменения в первом отрывке нельзя назвать резкими. Самый быстрый эпизод истории (В10) отражен в сцене 2 (ст. 10), где Аврам рассекает животных, готовясь к церемонии. Третья (ст. 11) и пятая (ст. 17) сцены обозначены как «В8»; они попадают приблизительно в середину диапазона внешних действий. Самые медленные сцены этой истории те, в которых присутствует речь. Сцена 1 (ст. 7–9) является диалогом о достоверности обетования (В1). А в последней сцене Бог клянется дать Авраму землю (ст. 18–21). Четвертая сцена также подходит под «В1» (ст. 12–16).

Пространственные изменения в Быт.15:7–21 совпадают с временными изменениями. Наиболее масштабными являются сцены 2 (рассечение животных), 3 (охрана трупов от хищных птиц) и 5 (дым и пламя). Эти сцены мы обозначили как «П10». Четвертая сцена очень подробно изображает Аврама, засыпающего в ужасе (ст. 12–16).

Временные и пространственные изменения в этой истории помогают нам увидеть, какие сцены Моисей выделил. Ярко выступают первая и шестая сцены. Божье обетование, вопрос Аврама и Божий ответ в начале (ст. 7–9) совпадают с Божьей клятвой завета в конце (ст. 18–21). Пространство сужается и время замедляется в этих сценах, потому что они очень важны. Четвертая сцена (ст. 12–16) подчеркивает Божье обещание вывести Израиль из Египта и дать ему во владение землю. Эта сцена была очень близка читателям времен Моисея, так как это обетование исполнилось в их дни.

Пространственно-временные изменения отличаются во 2Пар.12:1–12. Сцена 1 (ст. 1) открывается беглым панорамным обзором четвертого года царствования Ровоама (П10, В10). В сцене 2 (ст. 2) пространство сужается до окрестностей Иерусалима в период нападения на город (П6, В6). Третья сцена (ст. 3–4) вновь поднимается по шкале в пространстве и времени, предоставляя беглый обзор военных действий Сусакима в Иудее (П9, В9). С четвертой по шестую сцены (ст. 5–8) автор поместил самую сосредоточенную на подробностях часть всего рассказа (П1, В1). По сравнению с остальной историей, действия пророка и князей описываются очень подробно. Поэтому эти сцены обличения и покаяния также являются центральными в истории. Седьмая сцена (ст. 9) возвращает нас к беглому панорамному обзору (П8, В8), подводя итог нападения. Следующие две сцены (ст. 10–11) смещаются к середине шкалы (П4, В4) и финальная сцена (ст. 12) возобновляет быстрый шаг и подробный обзор, как и первая. (П10, В10).

Такие наблюдения помогают многое понять в истории. Масштаб третьей сцены и подробное описание численности армии Сусакима передают ощущение серьезной угрозы, нависшей над Иерусалимом. Четвертая, пятая и шестая сцены приковывают внимание читателей к встрече Иудейских князей с пророком, который передает им слова Бога.

Наше краткое изучение этих историй показывает, что оценка пространства и времени приносит много пользы. Выявление пространственно-временных различий позволяет нам рассматривать те грани ветхозаветных историй, которые иначе были бы не замечены.

Образность в сценах

Однажды мы с друзьями ехали в машине и увидели знак: «Панорамный вид». Я устал вести машину, поэтому мы остановились, чтобы посмотреть вдаль. Но один из наших пассажиров не был в восторге от этой идеи. «Вы не увидите там ничего, кроме холмов и ферм» — пробормотал он с заднего сиденья.

Он был прав, но он также ошибался. Стоя на склоне горы, мы могли видеть на многие мили в любом направлении. Мы заметили похожие на муравьев машины, мчащиеся по трассе внизу, живописные фермы и склоны холмов вдалеке, и туманную полосу города на горизонте. Наш друг предоставил нам довольно точную информацию о том, что мы можем увидеть, но она совершенно ничего не значила в сравнении с самим видом.

Ветхозаветные авторы предоставляют своим читателям панорамный обзор истории Израиля. Они записывают гораздо больше, чем просто сухие факты и абстрактные принципы. Используя живую образность, они предлагают читателям реально ощутить прошлое благодаря воображению и мыслительным образам.

Препятствия в воображении

Многие евангелисты недооценивают сенсорные качества ветхозаветных историй. По крайней мере, три фактора удерживают нас от исследования этого аспекта библейских текстов. Во-первых, в сравнении с другой литературой, истории Ветхого Завета содержат мало описаний природы. Они вряд ли могут сравниться с красноречивыми описаниями в современных романах, к которым мы так привыкли. Мы редко можем найти в Библии подробное описание утренних звуков и пейзажей; тексты просто говорят нам: «было утро» (Иис.Нав.3:1). Мы не находим подробных описаний запахов, вкусов или прикосновений; рассказы Ветхого Завета просто сообщают, что люди ели (3Цар.19:21). Поскольку большинство ветхозаветных историй очень скудно используют такие описания, мы легко пропускаем их.

Тем не менее, мы должны ценить художественную образность, хотя она и встречается редко. Ветхозаветные авторы не описывали сцены произвольно, поэтому если они упоминали какую-либо сенсорную подробность, мы вправе предположить, что на это была причина. Нам нужно обращать внимание на малейшие детали художественных описаний в историях Ветхого Завета.

Во-вторых, мы часто упускаем художественную образность ветхозаветных историй, потому что не знакомы с историческими событиями, которые она описывает. Мы не знаем, какие образы соответствуют словам. Если в современном рассказе упоминается рев реактивного двигателя или ударник рок-н-ролла, мы тут же ассоциируем слова со знакомыми переживаниями. Но мы пропускаем многие яркие описания ветхозаветных историй, потому что не имеем достаточных знаний, чтобы представить их.

Например, современники автора книг Паралипоменон, читая его повествование, наслаждались бы музыкой: «звуком рога и труб и кимвалов, играя на псалтирях и цитрах» (1Пар.15:28). Но мы не знакомы с древней музыкой и это лишает слова всякой ценности в наших глазах. Следовательно, изучая художественные описания, мы должны ставить себя на место их первых читателей. Как бы они поняли эти слова? Что бы они почувствовали? Нам не должно упускать эту грань ветхозаветных историй из-за незнания древнего мира.

В-третьих, мы пропускаем яркие описания из-за своей герменевтической ориентации. В основном, мы ищем в текстах факты и богословские принципы. Для большинства из нас значение той или иной ветхозаветной истории определяется вкладом, который она вносит в наше историческое, богословское и нравственное понимание. Мы считаем художественную образность простым украшением.

Но Бог дал нам ветхозаветные образы не для того, чтобы мы лишали их художественности. Если бы Он желал дать нам простой список фактов и богословских принципов, Он бы так и сделал. Однако Дух вдохновил писателей включить в истории художественные описания, которые нам необходимо научиться ценить.

Но зачем нам художественные образы? Как они могут улучшить наше понимание ветхозаветных историй? Какая от них польза? Во-первых, поиск художественных описаний заставляет нас мыслить. Когда мы стараемся представить себе ту или иную сцену, мы внимательнее размышляем над ее подробностями. Во-вторых, размышление над художественными образами придает нашему пониманию живость; текст оживает и увлекает нас. Ветхозаветные истории теперь не просто перечисляют события смутного, серого прошлого, а предстают перед нами в ярких красках.

Образность значительно увеличивает силу впечатлений от историй Ветхого Завета. Изучая первичное значение, мы должны учитывать все сенсорные ощущения, которые были описаны для первоначальных читателей.

Виды художественных образов

Ветхозаветные истории затрагивают все наши чувства. Авторы изображали обстоятельства, действия и людей в историях, предоставляя читателям возможность получить зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные и вкусовые ощущения.

Зрительные. Писатели Ветхого Завета полагались на зрительные образы больше, чем на любые другие. Они изображали сцены так, чтобы читатели могли увидеть прошлое их глазами. Зрительная образность видна в трех основных элементах каждой сцены: в обстоятельствах, в действиях и в действующих лицах. Какой была обстановка? Как выглядели персонажи? Каким образом происходят события? По мере того, как сцены наполняются подробностями, мы углубляемся в размышления над ними; но первое, что всегда привлекает наше внимание в любой сцене, это зрительные образы.

Рассмотрим простой пример в книге Иисуса Навина (3:1): «И встал Иисус рано поутру, и двинулись они от Ситтима, и пришли к Иордану, он и все сыны Израилевы, и ночевали там, еще не переходя его». Этот короткий стих представляет несколько ярких картин. Упоминание о раннем утре открывает нашему взору первые лучи солнца, рассеивающие тьму. Мы видим лагерь возле Ситтима и реки Иордан. Появляются также главные персонажи: воин Иисус Навин, и с ним множество мужчин, женщин и детей. Мы также видим, как люди поднимаются после сна, готовятся в путь, предпринимают поход и потом разбивают лагерь у Иордана. Такие впечатления дают важное понимание первоначального значения истории.

Слуховые. Описывая сцены, авторы ветхозаветных историй предоставляли также слуховые образы. Звуки играют огромную роль в их историях. Какие художественные слуховые образы встречаются в Ветхом Завете? Какие звуки слышались первичным читателям?

И снова мы обращаем внимание на обстоятельства, действия и людей. Обстоятельства в сценах часто сопровождаются звуками, хотя об этом может и не упоминаться конкретно. Многие события производят шум. Люди также издают звуки, когда говорят, плачут или кричат.

Третья книга Царств (22:34) дает хороший пример слуховых образов: «А один человек случайно натянул лук, и ранил царя Израильского сквозь швы лат. И сказал он своему вознице: поворачоти назад, и выведи меня из войска; ибо я ранен».

Одни звуки этой истории более выразительны, чем другие. Наиболее ярким слуховым образом выступает отчаянный крик Агава. Однако сцена сопровождается множеством других звуков. Агав находится на поле битвы — далеко не тихом месте. Лязг мечей и щитов, крики злости и боли создают непрерывный шумовой фон. В частности, писатель сосредоточился на лучнике, который случайно пустил стрелу. Стрела просвистела в воздухе и вонзилась в тело царя. Даже эти несколько подробностей предоставляют нам множество слуховых ощущений.

Осязательный. В ветхозаветных историях мы также находим осязательные образы, внутренние и внешние. Внешние образы выражены прикосновением к предметам, ощущением ткани, веса или температуры. Внутренние образы подразумевают чувственные переживания: стук сердца, дыхание, напряжение, расслабление, боль и удовольствие. Эти образы также появляются благодаря обстоятельствам, действиям и людям.

Яркая иллюстрация осязательного образа содержится в одной из сцен истории о Самсоне: «Филистимляне взяли его, и выкололи ему глаза, привели его в Газу, и оковали его двумя медными цепями, и он молот в доме узников» (Суд.16:21). Мы упустим важность этого стиха, если умалим его до простого заключения: «Филистимляне захватили Соломона» или «Грех влечет за собой наказание». Осязательные образы страданий Самсона повергали первых читателей в ужас: жгучая боль выколотых глаз, ссадины и ушибы, которые он претерпел, когда Филистимляне тащили его в Газу, тяжесть медных цепей и каменного жернова. Мы должны обращать внимание на боль Самсона, если хотим понять эту историю так, как ее задумал автор книги Судей.

Осязательные образы могут быть яркими в одних сценах, и почти незаметными в других. Однако даже простое упоминание о каких-либо действиях, людях или ситуациях непременно вызывает в умах читателей соответствующие ощущения.

Обонятельные. Ветхозаветные истории содержат также обонятельные образы. Запахи встречаются реже зрительных, слуховых и осязательных ощущений, но они все же встречаются, и

также связаны с обстоятельствами, действиями и действующими лицами. Очевидный пример обонятельного образа виден в книге Бытие (27:27–28):

Он подошел и поцеловал его. И ощутил Исаак запах от одежды его, и благословил его и сказал: вот, запах от сына моего, как запах от поля, которое благословил Господь. Да даст тебе Бог от росы небесной и от тука земли, и множество хлеба и вина.

Мы представляем себе, как Иаков подходит к своему отцу, его поцелуй, слышим слова благословения. Попытаемся представить себе запах от одежды Иакова, «как запах от поля», и те чувства, которые он вызывает у любящего отца. В то же время мы понимаем всю глубину коварства Иакова по отношению к брату, когда видим этот обман, связанный с запахом.

Первые читатели ветхозаветных историй прекрасно знали запахи животных, ран, смерти, цветов, духов и масел. Запахи могут быть как резкими, так и незаметными, но они всегда помогают нам глубже проникнуть в истории Ветхого Завета.

Вкусовые. Вкусовая образность, воображаемое ощущение вкуса также встречается в ветхозаветных историях. Когда появляется еда и питье, мы можем быть уверены, что автор желал, чтобы читатели ассоциировали события со вкусом. Иногда этот вид образности первостепенен. Например, в конце праздника, устроенного в честь прибытия ковчега завета в Иерусалим, мы читаем: «И раздал всему народу, всему множеству Израильтян, как мужчинам, так и женщинам, по одному хлебу, и по куску жареного мяса, и по одной лепешке каждому. И пошел весь народ, каждый в дом свой» (2Цар.6:19).

Почему автор книги Царств включил эту сцену в свою книгу? Он просто хотел, чтобы его читатели увидели картины и услышали звуки праздника? Очевидно, не только. Он желал, чтобы читателям передались вкусовые ощущения. Современники особенно переживали радость праздника, когда представляли вкус пряностей и пищи, розданных всему народу. После такого чудесного праздника, повествование об осуждении Мелхолы (2Цар.6:20–23) еще больше впечатляет нас.

Следует признать, что вкусовые образы также могут быть более или менее выразительными. Писатели Ветхого Завета далеко не всегда описывают их так подробно. Однако каждый раз, когда мы сталкиваемся с вкусовыми ощущениями в ветхозаветных историях, мы должны принимать их как составную часть первоначального замысла автора.

Сцены Ветхого Завета затрагивают все наши пять чувств. Зрительные, слуховые, осязательные, обонятельные и вкусовые образы представляют собой важнейшие дополнения к изображению каждой сцены. Исследуя ветхозаветные истории, мы должны спрашивать себя: «Что я вижу?», «Что я слышу?», «К чему я прикасаюсь, и что ощущаю внутри?», «Какой вкус и запах я чувствую?» Эти вопросы откроют нам множество новых граней ветхозаветных историй (см. рис. 17).

Примеры

Давайте еще раз посмотрим на два отрывка: Быт.15:7–21 и 2Пар.12:1–12. Мы подведем краткие итоги этих историй, которые покажут важность сценичной образности для толкования.

В книге Бытие (15:7–21) содержится множество образов. Сцена 1 (ст. 7–9) имеет несколько описательных пластов, главный из которых — слуховой. Мы подслушиваем диалог между Аврамом и Богом о владении Ханаанской землей. В этом диалоге перед нами предстает несколько сцен. В седьмом стихе мы представляем себе воспоминания об Уре и путешествие с его картинами, звуками и запахами. В стихе 8 мы не только видим Аврама и слышим его просьбу о подтверждении, но также ощущаем его напряженность. И, наконец, в Божьем повелении собрать животных Аврам перечислил каждое в отдельности, чтобы его читатели могли представить их себе зрительно, услышать их и прикоснуться к ним (ст. 9).

Во второй сцене (ст. 10) мы вновь видим Аврама, стоящего вместе с животными перед Богом. В центре этой сцены — рассечение. Аврам достает нож, рассекает животных пополам и раскладывает половины в два ряда. Многие современные читатели легко упускают сенсорные впечатления от этой сцены. Но те, кто видел умерщвление животных, могут представить себе ужасный рев, разрывающуюся плоть, половины туш, лежащие одна против другой и даже ощутить запах теплого мяса.

Третья сцена большей частью содержит зрительные образы (ст. 11). Мы видим Аврама, туши животных и нападающих хищных птиц. Аврам отгоняет их, возможно, бегая, крича и размахивая руками.

Четвертая сцена мгновенно приковывает внимание к горизонту, где солнце медленно исчезает из вида (ст. 11–16). Аврам ложится спать. Заглядывая в его душу, мы видим ужасающий мрак. Мы ощущаем его напряжение, когда его объял ужас. Мы также слышим, как Бог говорит к Авраму во сне. Дым на фоне оранжевых языков пламени и красного жара бросает тень на трупы, когда видение проходит между рядами. Мы даже отчетливо слышим треск огня.

И, наконец, шестая сцена содержит завершающие слова Бога (ст. 18). Мы слышим, как Бог расширяет для Аврама обетование, с которого начался весь рассказ. Мы видим, как Аврам стоит на возвышенности, как бы рассматривая реки и земли, обещанные ему Богом.

Вторая книга Паралипоменон (12:1–12) начинается с краткого обзора четвертого года царствования Ровоама, когда он и его люди отвернулись от закона Божьего. Во второй сцене (ст.2) мы видим Ровоама в Иерусалиме, окруженном Сусакимом. Несомненно, зрительные и слуховые образы военной осады приходили на ум первым читателям.

Третья сцена (ст. 3–4) сосредотачивается, в основном, на картинах и звуках разоренной Иудеи. Весь третий стих посвящен тому, чтобы показать читателям огромное множество колесниц, всадников и пеших солдат. Мы видим гигантскую, неисчислимую армию Сусакима, беспрепятственно продвигающуюся к самим воротам Иерусалима.

В четвертой, пятой и шестой сценах (ст. 5–8) горизонты сужаются. Мы видим Самея пророка, Ровоама и Иудейских князей, собравшихся в Иерусалиме. Мы ощущаем присутствие Господа. Однако основными в этой сцене являются звуки пророческого провозглашения и покаяния князей. Следует заметить особое смирение, ощущаемое князьями и сопереживание читателей. Ужас первых слов осуждения и облегчение при отсрочке исполнения приговора также формируют важные выводы и переживания.

Седьмая сцена (ст. 9) упоминает о расхищении царских сокровищ. Глазами нашего воображения мы видим сверкающие золотые щиты. Нам также слышатся различные звуки, связанные с этими событиями; мы испытываем сожаление, когда царская сокровищница оказывается пустой.

В восьмой сцене (ст. 10) мы видим Ровоама, приказывающего своим людям сделать медные щиты и охранять их. Девятая сцена (ст. 11) показывает, как Ровоам идет в храм, и воины относят щиты в палату телохранителей.

В десятой сцене (ст. 12) Ровоам кается в храме. Множество мыслей приходит на ум, когда мы размышляем, какое благо пришло в Иудею, когда Ровоам смирился.

Представляя себе подобные образы в тексте, наше сердце и разум увлекаются историей, благодаря чему мы полнее понимаем, что именно хотел сообщить автор своим читателям.

Изучение сценических изображений в историях Ветхого Завета требует гораздо большего, чем только правильной оценки фактов и принципов. Мы также должны пользоваться воображением – картинами, передающими звуки, прикосновения, вкусы и запахи, которые содержат значительную долю первоначального смысла.

Заключение

Эту главу мы начали с предположения, что нам следует научиться использовать художественную ценность ветхозаветных историй. Для этого мы рассмотрели три вида сценичного изображения. Мы отметили, как следует разделять тексты на сцены, и изучили важность пространственных и временных изменений. Мы также увидели ценность размышления над сценическими образами. Учитывая все эти аспекты, мы сможем увидеть художественную ценность ветхозаветных историй и глубже понять их первоначальное значение.

Вопросы

1. Что является сценой в ветхозаветных историях? Почему так важно разделять историю на сцены? Какие подсказки помогают нам разделять историю на сцены? Какой вывод мы можем сделать из истории на основании ее сцен?
2. Что мы подразумеваем под пространственными и временными изменениями в сценах? Опишите процесс распределения сцен по пространственно-временной шкале. Как такие различия помогают нам увидеть авторскую точку зрения в тексте?
3. Что такое образность в сценах? Какие виды образов мы можем обнаружить в историях Ветхого Завета? Приведите пример каждого. В чем ценность таких образов в ветхозаветных историях?

Упражнения

1. Посмотрите на Исх.1:22–2:10. Разделите этот эпизод на сцены. Укажите на особенности в тексте, отражающие границы сцен; проведите границу каждой сцены одним предложением.
2. Исследуйте пространственно-временные изменения каждой сцены в Исх.1:22–2:10. Распределите эти сцены по шкале, как указано в этой главе. Какие сцены, согласно вашему анализу, более выделены?
3. Определите явное и скрытое описание образов в отрывке Исх.1:22–2:10. Какие внутренние откровения эти образы приносят вам?